

Арина Ларина

комедийный

любовный роман

КОКТЕЙЛЬ
ПОД НАЗВАНИЕМ
«МУЖ»

Арина Ларина

Коктейль под названием «муж»

«ЭКСМО»

2007

Ларина А.

Коктейль под названием «муж» / А. Ларина — «Эксмо», 2007

Если взять немножко наглости, горстку доброты, ложку любви, море обаяния и каплю порядочности, то получался он – Машин муж. Она искренне любила Алексея, а он любил жену и сына. И что вы думаете? Выключенный телефон, непонятные отлучки, уединенная ночь на диване в гостиной, сбор вещей – и вот уже мужа как ветром сдуло из Машиной жизни. У него появилась другая женщина... Этот кошмар свалился на Машу именно тогда, когда ее папа решительно ушел из семьи и подался в женихи, автоматически сделав маму невестой, а дедушка пытался устроить свою личную жизнь, охмуря юных прелестниц...

© Ларина А., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Арина Ларина

Коктейль под названием «муж»

Пролог

– Надя! Ты когда-нибудь видела, как должен выглядеть нормальный английский газон? – устало-раздраженный женский голос с плаксивыми нотками словно призывал в свидетели всех и вся. Даже не глядя на упомянутый газон, можно было предположить, что, по мнению говорившей, он не нормальный и не английский. И, учитывая трагический надрыв в интонациях, вероятно, и не газон вовсе.

– А то как же? Нам-то, хохотухинским, и не видать аглицких газонов! Да мы на них выросли, можно сказать, и с козьим молоком впитали ихние интерьеры! – в сердцах пробормотала не менее раздраженная собеседница, от души добавив пару непечатных конструкций, выражающих весь спектр эмоций местной жительницы деревни Хохотухино по отношению к барским замашкам городских.

– Что ты там бормочешь? Я тебе деньги плачу, между прочим! А ты мне лужайку испортила. Тут вчера были голубенькие цветочки! Где они?

Смачным шепотом удачно срифмовав в пространство ответ, Надя елейным голоском, словно успокаивая буйного пациента или неразумное дитя, громко ахнула:

– Как? Нету цветиков? Как же так? Не иначе улитки съели. Но вы, Диана Аркадьевна, не блажите. Я новые посею. Непременно сию минуту посею, раз без них никак.

– «Не блажите», – оскорбленно передразнила Диана Аркадьевна. – Перестань так со мной разговаривать. Почему трава криво пострижена? Ты чем стригла?

– Ножницами, – подобострастно сообщила Надя и, подумав, добавила: – Маленькими такими.

– Какая дикость! – простионала Диана Аркадьевна. – Тебе косилку купили специальную! Какими ножницами?

– Так сейчас ребяенок спит! Куды ж я с тарахтелкой вашей полезу! А до обеда вы спите! – рывкнула Надя, утром без зазрения совести презревшая импортный агрегат и скошившая «лужайку» обыкновенной косой.

– Клумбу надо переделать, – неожиданно перескочила на другую тему хозяйка. – У нее вид неэстетичный. Вон те оранжевые цветы не гармонируют с общим фоном.

– Выдеру к чертям...

– Надя! Их надо пересадить вон туда, к голубым!

– Пересажу, – покладисто согласилась Надя.

– И добавить красненького, мне кажется, не помешает...

– Добавлю!

– И...

– Все сделаю в лучшем виде.

– Корни не повреди...

– Да ни боже мой, – убедительно затрясла головой Надя, мечтая об одном – чтобы хозяйка от нее наконец-то отвязалась.

– Да, у нас сегодня будут вечером гости. Накрой стол парадным сервизом.

– Опять этот проглот заявится? – неодобрительно констатировала Надя.

– Артур Константинович – уважаемый в обществе человек! – взвизгнула хозяйка. – Не смей!

– Да уж, продукты ваш уважаемый метелит, как с голодного острова, только дай. Да и до дамского пола не дурак, – хмыкнула собеседница, сдобно колыхнув полным телом, затянутым в цветастый сарафан. Она была абсолютной противоположностью хозяйки: сублильной дамы, похожей на слегка состарившуюся, но красивую куклу. – То-то его у Тараторовых уважили, что вчера с бланшем пришел.

– Прекрати распространять грязные сплетни! – возмутилась Диана Аркадьевна и тут же заинтересованно добавила: – А он сказал, что девушку от хулиганов на станции спас.

Ответом ей послужил душевный басистый хохот Нади:

– Да ему папаша Тараторов засветил. Вот не знаю только, с дочкой он вашего уважаемого застукал или с женой.

Последний комментарий был произнесен с явным сожалением.

– Но орал на всех – жуть. Вчера же днем и уехали всем семейством. Так что кормить-то его сегодня будем или поостережетесь? – с невинно-наивным любопытством завершила повествование Надя. – Не ровен час, Максим Михайлович приедут. У них-то рука тоже небось тяжелая.

– Не болтай ерунды, – покраснела хозяйка, но задумалась. То ли о «проглоте», то ли о возможном приезде мужа, то ли об обоих сразу.

Легкую занавеску лениво тербил теплый июньский ветер. Тонкий тюль, усыпанный легкомысленно-деревенскими цветочками, пронизывали ласковые лучи обнаглевшего от собственной власти солнца.

– Мама, – яростно прошипела Маша, тревожно прислушиваясь к угрожающему гудению полосатой пчелы, таранившей стекло своим мохнатым тельцем. Еще немного, и она сообразит, что целесообразнее изменить траекторию полета и порезвиться в комнате. Этого Маша Князева, невзирая на панический ужас перед всеми без исключения насекомыми, никак не могла допустить. Даже ценой собственной жизни. А цена была именно столь высока, ибо от одной только мысли о схватке с шестилапым чудовищем сердце переставало биться, а по спине полз липкий страх, переходящий в панику. Схватив последний номер «Космо» и цепенея от накалывающего героизма на грани истерики, девушка замерла посреди комнаты. Пышные рыжие волосы, собранные в конский хвост, трусливо подрагивали, а веснушки, обильно рассыпанные по щекам, побледнели.

Причина ее грядущего подвига сладко, почти беззвучно посапывала в маленькой кроватке, выпятив в суровый мир беззащитно-розовую попу, удобно устроившуюся на двух крошечных пятках. Никита Алексеевич Князев, шести месяцев от роду, предпочитал смотреть послеобеденные сны именно в такой позе. В этой же позе он был запечатлен бесчисленное множество раз во всевозможных ракурсах, и Маша уже не знала, куда девать фотографии, которые все прибывали и прибывали. А как быть, если хочется запомнить каждый миг, каждое движение этого чуда?

В данный момент чудо, блаженствовавшее в стране Морфея, даже не подозревало о надвигающейся крылато-полосатой угрозе.

– Мама, – снова шепотом рывкнула Маша, обернувшись в дверной проем. Она боялась, что битва с пчелой будет неравной и Никита Алексеевич все же окажется укушенным. Ребенка следовало немедленно эвакуировать.

Разумеется, бабуля знать не знала о трагедии, и, скорее всего, принимала солнечные ванны в гамаке. Бабуля вообще была слишком молода и бесшабашна для роли, навязанной ей полгода назад.

Глава 1

Когда сияющая дочь сообщила Диане Аркадьевне, что та скоро обзаведется внуком, реакция была по-детски непосредственной и весьма неожиданной.

– Какой ужас! – всплеснула кольцами мадам Кузнецова. – Ты с ума сошла! Я не могу так! А что скажут люди?!

В этом вопросе была вся мама: от тщательно уложенных прядей на темечке до свежего педикюра. Разумеется! Не радоваться же молодой сорокачетырехлетней женщине тому, что у нее появится внук. Внук – это как первый седой волос, первая морщина, первый вставной зуб... В общем – настоящая беда. Еще вчера ее называли девушкой, кто обознавшись со спины, а кто и с хорошо продуманным подхалимажем, и вот...

– Какое несчастье, – резюмировала Диана Аркадьевна, не замечая перевернутого лица дочери.

– Да уж. Такое горе, – саркастически подтвердила Маша. – Просто не представляю даже, как мы эту трагедию переживем!

Шутку мама не поняла и сарказм не заметила, углубившись в свою печаль.

Давным-давно привыкшая к маминым странностям Маша на сей раз обиделась. Ребенок – событие, кардинальный поворот в жизни, самое важное, что может произойти с женщиной! Несмотря на крайнюю недалекость и инфантильность, мать просто не имела права реагировать так!

Диана Аркадьевна всю жизнь жила для себя. Природа щедро одарила ее красотой, сэкономив на уме. Не то чтобы девушке вообще ничего не перепало, но то, что где-то там наверху выделили для наполнения извилин, больше походило на блокадную пайку, нежели на полноценный набор из женской логики, сообразительности и интуиции. Просто-таки обделили Диану Аркадьевну самым возмутительным образом. Но именно благодаря столь несправедливой доле, жила она легко, даже не подозревая о печальной недостатке.

– Красивая женщина – это сокровище, – убежденно поясняла она всем, имея в виду себя. Женщины ехидно поджимали губы, а мужчины не спорили, зачастую мысленно добавляя к перечню ее плюсов очаровательную недалекость. С умной женщиной тяжело и неудобно. Она давит на самооценку партнера, заставляя напрягаться и держать себя в тонусе. Женщина наивная и примитивная, но красивая, подобна дорогой иномарке: ее легко контролировать и ею можно гордиться.

Дианой Аркадьевной тоже легко можно было блеснуть в обществе. Как часами «Ролекс».

Замуж ее выдали рано, но удачно. За сына партийной шишки.

Шишка была так себе, средненькая, но предприимчивая. Свекр, как снегоуборочная машина, греб под себя все, что плохо лежало. А что лежало хорошо, он «клат» так, чтобы удобнее было взять впоследствии. Сын пошел в него.

Будущий муж понравился Диане прежде всего перспективами. Про перспективы ей объяснили родители, и дочь приняла их вводную за аксиому.

Максим Михайлович Кузнецов влюбился в нее горячо, искренне, но ненадолго. Быстро устав от красивой и капризной бабочки, порхавшей по апартаментам, он пересмотрел свое отношение к новой игрушке, предложив бартер: он удовлетворяет все ее потребности в обмен на наследника. Жалобные стоны по поводу порчи фигуры, бессонных ночей и невозможности летнего отдыха у моря он пресек на корню, намекнув, что в противном случае супруга вернется к родителям в чем пришла. Так в жизни четы Кузнецовых появилась Маша. Правда, Максим Михайлович был крайне недоволен тем, что родилась девочка, и даже норовил обвинить супругу, что она это сделала нарочно, поскольку все и всегда делала назло, словно специ-

ально стараясь вывести его из себя и помотать нервы. Но через год смирился и уже души не чаял в дочери. Хотя любовь его была настолько специфической, что, даже повзрослев, Маша продолжала побаиваться главу семейства. Максим Михайлович был груб, деспотичен и упрям. Благодаря наработкам и связям отца, он стал довольно крупным бизнесменом, благосостояние которого неуклонно росло. Он все мерил деньгами и считал, что купить тоже можно почти все. Даже из области высоких материй. Хозяин жизни тот, у кого в руках материальные блага.

– Что есть «высокая материя»? – любил рассуждать папа. – Материя – суть материал. Оплатил, свернул, положил за пазуху. Еще Пушкин говаривал: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать!» Все, что можно продать, – можно купить.

Маман брезгливо морщилась и называла его мужланом, а Маша в душе понимала, что отец отчасти прав. Отчасти, так как она все же была романтической барышней, воспитанной на классической литературе и розово-голубых идеалах, напоминавших мыльные пузыри. Они были столь же непрочными и со временем лопались, пачкая окружающих мокрыми брызгами.

Отца Маша уважала, а к матери с некоторого времени начала относиться с легким снисхождением. Родители ассоциировались у нее с героями знаменитой басни Крылова: отец, словно трудолюбивый муравей, копошился на пике своей финансовой пирамиды, а мамуля бестолковой стрекозой крутилась вокруг, создавая крылышками сквозняк, уносивший из семейного бюджета солидные суммы.

Возможно, рано или поздно дочь начала бы конфликтовать с легкомысленной родительницей, но тут на ее горизонте возникла любовь – первая, настоящая и всепоглощающая, – и Маша стремительно выскочила замуж, перекочевав в подаренную отцом квартиру.

Если вдуматься, то Алексей был далеко не первой любовью. И даже не десятой.

– Марья, ты слишком влюбчивая. Это мягко говоря, – любила повторять ближайшая подруга Рита. – А вообще для твоего поведения есть другой термин.

«Термин» она благоразумно не озвучивала.

Обижаться на Риту было бесполезно. Она всегда говорила, что думала, а, как правило, ничего хорошего про окружающих Маргарита Гусева не думала. Из таких девушек получают отличные соратницы в борьбе за справедливость, партийные деятели, бьющиеся не за деньги, а за идею, или просто склочницы. Все это было написано на ее худощавом лице, обрамленном копной мелких черных кудряшек. Максим Михайлович называл маленькую субтильную Риту «занозой», хотя признавал, что лучше уж быть занозой, чем пустым местом.

Гусева вызывала уважение своей непримиримостью и прямоотой, граничащей с хамством. Маша так не умела, но надеялась научиться.

Будучи довольно симпатичной, Маша пользовалась успехом у противоположного пола и легко отвечала взаимностью. Но, как и любая девица на выданье, она ждала настоящей, светлой и чистой любви. Кто ищет, тот всегда найдет, а кто ждет – дождется.

Любовь налетела на нее одним прекрасным зимним вечером в коридоре отцовского офиса, когда Маша захотела обсудить с родителем покупку машины. Она считала, что уже пора, а Максим Михайлович презрительно кривил губы и рокотал, что «еще не доросла».

До папы она в тот день так и не дошла, окончательно и бесповоротно влюбившись в директора отдела продаж. Именно эта солидная должность значилась на визитке мужественного шатена с потрясающими серыми глазами и могучей шеей. Этой визиткой он решил потрясти ее воображение, и Маша сделала вид, что потрясена, затеяв глупую игру и представившись курьером.

Конечно, он мог знать, что она дочь шефа.

Конечно, он мог все просчитать и запланировать.

Конечно, он слишком быстро и напористо начал очаровывать...

Это все не имело значения, поскольку было уже не важно. А если и важно, то думать об этом было поздно.

Роман развивался стремительно, и уже на дне рождения Маши Алексей был представлен родителям и знакомым.

Подруги немедленно высказали свое мнение, как делали всегда.

– Хлыщ с дальним прицелом, – поджала губы Рита.

– Какой красивый, – восхищенно цокнула языком Алина.

Если Рита из-за проблем с личной жизнью во всех чужих кавалерах сразу начинала искать негатив, то Алина, окончившая университет вместе с Машей и олицетворявшая собой натуральную филфаковскую барышню с легкой придурью и в розовых очках, любила всех мужчин без разбора. Они казались ей милыми, трогательными и требующими заботы.

– Если тебе не о ком заботиться, заведи хомяка. Или попугая, – раздражалась Рита. – Ты их развращаешь своими ритуальными приплясываниями и попытками во всем угодить. Из твоих рук на волю выпадают инфантильные эгоисты, требующие от женщины неустанного внимания и самопожертвования.

– Можно подумать, ты собираешься подобрать кого-то, выпавшего из моих рук, – язвительно хмыкнула Алина.

Удивительно, но при совершенно разном отношении и подходе к противоположному полу обе они никак не могли устроить свою личную жизнь.

– Мне кажется – это моя судьба, – вздыхала Маша и томно хлопала глазами, гипнотизируя широкую спину кавалера. Алексей что-то обсуждал с Максимом Михайловичем, поэтому она, воспользовавшись моментом, потребовала у подруг детального отчета о наблюдениях.

– Тебе это кажется каждый раз. Больше всего мне нравится разбор полетов в твоём исполнении, когда очередной Ромео получает отставку или наставляет тебе рога. Вот что у тебя, Маня, не отнять, так это чувство юмора и мозга.

– Да уж, мои мозги всегда при мне, – пробормотала Маша, соображая, как расценивать выступление: как комплимент или как очередной укол. Compliments были не в обычае Риты, так что вывод напрашивался сам собой.

– Не скажи, – подтвердила ее опасения «добрая» подруга. – Только полная дура могла поверить, что директор отдела не знает в лицо дочь своего босса. Это во-первых. А во-вторых – учитывая капиталы твоего папаша, я бы не верила ни одному самцу. Я тебе даже сочувствую: никогда не знаешь, на ком он женится – на тебе или на папане.

Рита победоносно глянула на приунывшую Машу и изобразила лицом нечто скорбное.

– Язва ты, Ритка, – расстроилась вместе с Машей Алина. – Надо тебе желчный пузырь проверить. Надо ж так на ровном месте настроение испоганить. Красивый мужчина полюбил красивую девушку. То, что у нее папа оказался начальником...

– ...отдает хорошо продуманным сценарием мыльной оперы, – завершила мысль Рита. – Он же понимает, что юные безмозглые барышни, начитавшиеся сопливых романов про любовь, падки на такую мишуру.

– Я не читаю сопливые романы, – обиделась Маша.

– Но он об этом не знает. погоди, еще приедет к тебе на белом лимузине, как Ричард Гир. Цветочки подарит, наплетет чего-нибудь красивого и сказочного. А ты будешь слушать и пускать слюни от умиления.

– Мань, а давай ее побьем, – задумчиво предложила Алина. – Может быть, у нее в голове что-нибудь встряхнется и встанет на место.

– Я правду говорю, – надулась Рита. – Проще всего хлюпать носом в унисон и ахать: «Какой красавчик, как я за тебя рада!» Надо смотреть правде в глаза.

– Слушай ты, газета «Правда», – хихикнула Алина. – За такое в глаза не только смотрят, но и бьют. У человека любовь, чувства, а ты ерунду всякую мелешь.

– Я книжки читаю и телевизор смотрю. Вот приберет он к рукам Манькины миллионы и начнет права качать. И любовь пройдет, как утренний туман. Останется только горечь от позднего осознания ошибки. А я ей глаза открываю. Я ж не говорю, что этот пижон именно так и сделает. Но вероятность не исключаю. И ты, Манюня, не исключай. Или наоборот: папенька ни копейки вам не даст. Не потянет твой красавец на твои запросы – турнешь ты его к чертям собачьим и вернешься к папане с наследником в подоле.

– Спасибо, дорогая, – с чувством выпалила Маша. – Низкий тебе поклон за заботу. Я обязательно учту. Я теперь понимаю, почему от тебя мужики шарахаются.

– Один – один, – гикнула Алина. – Брэк!

Глава 2

После свадьбы, удовлетворившей все мыслимые и немыслимые амбиции любой юной барышни, желавшей, чтобы «было круче всех», неожиданно началась обычная жизнь. Та, которая всегда текла за окном. Как дождь, на который уютно смотреть сквозь стекло, но совершенно невыносимо под этим же дождем мокнуть на остановке, заледеневшими руками удерживая рвущийся вслед за ветром зонт.

Папа, подаривший во время торжества ключи от новой квартиры, будучи не совсем трезвым, выдал витиеватую речь, смысл которой стал понятен позже: дочь стала взрослой, и он счастлив вручить ее судьбу молодому супругу. Проще говоря, Маша теперь проживала не только на отдельной жилплощади, но и должна была существовать на средства, отдельные от папиных. То есть – на мужнину зарплату.

Зарплата директора отдела продаж не имела ничего общего с родительским кошельком ни по объему, ни по перспективам. Там были другие нули и другие возможности. По Машиным меркам – так возможностей и вовсе не было.

Никогда не вдававшаяся в подобные тонкости, молодая жена приуныла. Пару раз закатив истерику и наткнувшись на искреннее непонимание мужа, она совсем пала духом и даже позабывала маме, так хорошо устроившейся, невзирая на глупость и необоснованные капризы. Маше даже пришло в голову, что мама на самом деле не так уж и глупа, если сумела настолько удачно организовать свою жизнь.

Посоветоваться было абсолютно не с кем. Подруги не поняли бы однозначно. Если вдуматься, ее проблемы выглядели комично: в новом сезоне придется донашивать прошлогоднюю шубку, нельзя купить в ювелирном красивую побрякушку просто так, а две машины на семью – излишество. Машенькино предложение подарить ей на следующий день рождения красный «БМВ» Алексей воспринял как не особо остроумную шутку и даже вежливо похихикал. А уж когда выяснилось, что мероприятия, на которые она раньше ходила в качестве дочери «господина Кузнецова», теперь приглашают лишь вышеупомянутого «господина Кузнецова» с супругой, а «господина Князева с супругой» приглашают на тусовки рангом несравнимо ниже, Маша разрыдалась, напугав мужа. Тот искренне не понимал объяснений и не видел в перечисленных фактах трагедии.

Та жизнь, веселая и беззаботная, к которой она привыкла, оборвалась внезапно и фатально. Ощущение было такое, словно судьба, подарив ей любимого мужчину, посадила их обоих в темную сырую яму, дабы уравновесить эйфорию от своего подарка. Это сравнение настолько понравилось Маше и так ярко характеризовало ее переживания, что она все же рискнула поделиться с подругами. Держать все переживания в себе не было никаких моральных сил.

– Эх, кто б меня в такую яму засадил, – Рита оглядела роскошный евроремонт, итальянскую мебель и насмешливо уставилась на подругу. – С жиру бесишься, Маня.

– Нет, ну не надо так, – примирительно протянула Алина. – Просто ей трудно так сразу перестроиться.

– Да привыкла жить у папаши за пазухой! И не надо губки надувать! Хотела все по-взрослому: чтобы муж, семья, отдельно от родителей? Ну, вот и не жалуйся! Еще скажи спасибо, что папаня жилплощадью обеспечил, а то жила бы сейчас с Лешкиными предками. Что у них там? Двушка в хрущевке? А вам, барам, некомиффо в таких гегемонских условиях? Принцесса на горошине! Манька, спустись с небес на землю! Без машины и новой шубы никто еще не помер. Алинка, ты не померла в пуховике? И я в дубленке тоже живу и радуюсь. А у тебя в шкафу этих шуб штук десять висит...

– Шесть, – шмыгнула Маша. Ей было обидно слушать столь несправедливые обвинения, словно она капризная царевна из сказки, требующая подснежников зимой. – Ты не понимаешь. Это необходимость. Статус обязывает!

– Князева! Нету у тебя никакого статуса! И шубы не нужны. Такое вот счастье для семейного бюджета. Все. Отпочковалась ты от папенькиного линкора и ушла в свободное плавание на моторной лодочке. И горючим он тебя снабжать более не обязан. Нету топлива – гребни веслами, нету весел – ручками. Ты лодочку и капитана выбрала сама, а за собственные решения надо отвечать, – зло хохотнула Рита.

– С таким характером ты мужика никогда не найдешь, – оскорбленно парировала Маша. Больше сказать было нечего. – У меня проблемы, а ты еще побольнее ударить норовишь!

– Я мужика не найду, потому что мне нужен не абы какой, а с квартирой. И не потому, что я такая меркантильная, а потому что жить будет негде. У нас с матерью комната в коммуналке, если помнишь. А еще мне нужен мужик с большой зарплатой, потому что я хочу ребенка. А если я уйду в декрет, то нам хотя бы полтора года должно хватать только его денег. И Алинке нужно все то же самое! И любой другой нормальной девице тоже! А где такого взять? Может, он, как особо ценный клад, и зарыт где-то, только у нас карты нет и лопаты. И даже если откопаем наудачу и без подручных инструментов, то как его делить? Таких роскошных кадров на всех не хватает. Ты, Князева, вообще неправильно понимаешь значение слова «проблемы». Не было у тебя еще в жизни настоящих проблем. И я тебе даже сочувствую, потому что за белой полосой всегда следует черная. Высоко взлетела – падать будет больно.

Маша оторопело моргнула:

– Ты что, подраться хочешь?

– Я хочу, чтобы ты трезво взглянула на себя и окружающих. Никто тебе ничего не должен. Если хочешь машину – заработай на нее. Я вот, например, хочу квартиру. И это не предмет роскоши, а необходимость. Без квартиры я сдохну старой девой в обществе моей любезной мамаша, у которой характер еще гаже моего. Поэтому я на нее зарабатываю. А ты ждешь, пока само в руки обвалится, да еще морщишься, что оно само падать не хочет, а у блюдечка каемочка не голубая.

– Обычно после таких выступлений гости съезжают с лестницы, пересчитывая копчиком ступени, – философски заметила Алина. Ей хотелось поесть пирожных в спокойной обстановке. Частично Рита была права, но форма затмевала содержание. Впрочем, как обычно.

– Почему ты работать не идешь? – не унималась Гусева. – Я вот работаю, Алька тоже. А тебе что мешает? Будешь хоть в чем-то независимой.

– Я и так ни от кого не завишу, – звенящим от обиды голосом заявила Маша.

«Еще немного, и мы останемся без сладкого, а еще насмерть поссоримся», – поняла Алина. Ей категорически не хотелось принимать ничью сторону. Алина Шульгина вообще была крайне миролюбивым и позитивным человеком, и наличие в ближайшем окружении Риты создавало в ее жизни некоторый дискомфорт, а иногда и вовсе угрозу здоровью. Особенно когда Гусева начинала делать замечания подросткам или пьяным.

– Еще как зависишь. Тебе третий десяток, а ты все деньги на карманные расходы прошишь. Сначала у папы, теперь у мужа, – Рита победоносно взглянула на подругу. – Надо радикально менять отношение к жизни. Жизнь – это кактус. Если его грызть или пытаться на него сесть, то ты по-любому останешься в проигрыше. А вот если поливать, то, возможно, он даже зацветет. Мысль моя ясна?

Судя по напряженному молчанию, мысль адресата не нашла.

– Поясняю, – Гусева приосанилась, словно лектор перед аудиторией. – Надо уметь пользоваться ситуацией. Один умный человек сказал: если тебе плюнули в спину, это значит, что ты идешь впереди. Минус – плюнули. Плюс – впереди. Жизнь – это губка, из которой надо выжать максимум. Это лестница, по которой надо нестись в нужном направлении. Правиль-

ное направление, поясню для инфантильных и тупых, – это вверх, желательно перепрыгивая через ступеньку. Только тогда ты доползешь до нужного результата. А результат зависит еще и от того, с какой ступеньки ты стартуешь. У тебя, Манька, ступенька высокая и шансов больше, чем у простых смертных, только ты из своих шансов сплела веночек и сикось-накось на прическу нахлобучила. Сие называется нецелевое использование возможностей. Нет бы у папани попросить дело тебе какое-нибудь купить. Тогда на всю оставшуюся жизнь сама себе хозяйка. А ты все норовишь за чьей-нибудь спиной отсидеться. А ежели спина куда-нибудь денется, чего делать будешь?

– Никуда она не денется, – поджала губы допрашиваемая.

– Нет в нашей жизни ничего постоянного. Собственно, и сама жизнь – величина переменная. Да еще с летальным исходом.

– А давайте чай пить, – логично и радостно закруглила беседу Алина, уловив момент, близкий к перемирию. Она даже предприняла попытку пододвинуть на середину стола пирожные, но, видимо, день был неблагоприятным. Как для чаепития, так и для общения на живо-трепещущие темы. Собственно, Алина именно это и вычитала утром в гороскопе, притулившемся в конце программы телевидения на неделю. Зря она понадеялась, что астрологи врут.

– И что ты предлагаешь? – Маша нехорошо прищурилась на разглагольствовавшую Гусеву. – Чем мне заняться?

– Ну, милая моя, – снисходительно потрясла кудрями Рита. – Тебе виднее. Я бесплатных советов не даю.

– Можно бюро переводов открыть, – оживилась Алина.

Гусева с состраданием взглянула на «переводчиц».

– Кому оно надо, ваше бюро. Лучше уж художественную галерею.

– Ну, разумеется, – мстительно фыркнула Маша. – И выставлять там твои шедевры.

Рита, воодушевленно метившая ближним в самое больное место, сама абсолютно не умела держать удар. А картины были ее уязвимой точкой.

Глава 3

Рите Гусевой прочили большое будущее, мировую известность и счастливую судьбу. А потом вдруг оказалось, что художники никому не нужны. И работы Гусевой – не шедевры, а так – мазня с претензией. И будь она хоть трижды гениальной в своих глазах, максимум, на что можно рассчитывать – место художницы в рекламной фирме. Вместо всемирной славы Рита под неустанный бубнеж мамы, надежды которой она не оправдала, влачила жалкое существование и надеялась на чудо. Чудеса бывают только в сказках, а Рита Гусева застряла в реальном мире, больше похожем не на цветочную клумбу, а на гору мусора. Такая куча ничего общего с чудом не имела и иметь не могла. Редкие мужчины, проявившие к Рите интерес, исчезали со скоростью мухи, интуитивно почуявшей свернутую в трубочку газету. В общем, куда ни плюнь – сплошной негатив. Судьба словно пыталась взять Риту измором и потренировать ее силу воли. В битве за место под солнцем Рита регулярно проигрывала, а ее неудовольствие жизнью постоянно подпитывалось завистью к окружающим, которым все само плыло в руки. Больше всех ее раздражала Маша.

С раннего детства Маня постоянно маячила перед глазами, наглядно доказывая отсутствие мирового баланса справедливости. Жили они всегда рядом, одна на пятом этаже, другая – на шестом. Только семья Кузнецовых занимала огромную квартиру единолично, а у Гусевых была всего лишь комната в коммуналке. И если у Маши были ласковая няня и мама, непонятно чем занимавшаяся дома, то у Риты няню заменяли либо пятидневный детский сад, либо, в случае болезни, глухая бабка Тоня, забывавшая ее покормить, и непросыхающий сосед Зубовалов, оправдывавший свою изумительную фамилию потрясающими габаритами и ужасающим набором железных зубов в пасти. Но на самом деле Зубовалов был совершенно безобиден. Он даже пытался одно время ухаживать за Риточкиной мамой, приведя в качестве аргумента для женитьбы последующее слияние комнат и хлипкое здоровье бабки Тони. Джентльменом Зубовалов, безусловно, не был, а посему озвучил свою программу, сграбастав Елизавету Потаповну в охапку и попытавшись запечатлеть на ее сахарных устах поцелуй. Дело было в кухне, мадам Гусева, работавшая санитаркой в больнице и на тот момент как раз вернувшаяся со смены, ухаживания отвергла, с легкостью первой теннисной ракетки мира засветив жениху в лоб чугунной сковородой. Звук был таким, что даже глухая бабка Тоня, подслеповато тарасившаяся на представление из угла, мелко дробно захихикала.

– Ну, Лиз, ты... эта... Зачем? – печально развел лапищами Зубовалов. – Я ж по делу говорю. Мне баба на хозяйстве нужна. А то придешь домой, жрать нечего, не приласкает никто, не спросит, как, мол... эта...

– Совещание прошло, – подсказала Елизавета Потаповна. – Не звонил ли министр? Не объявили ли благодарность за доблестный труд?

– Шутишь все, – тяжело вздохнув, констатировал Зубовалов. – Я ж как лучше хотел. Если я бабу приведу, как вы тута уживетесь в одной квартире?

– Не знаю, как твоя баба уживется, а я уж как-нибудь, – поджала губы Ритина мама и плотоядно взглянула на сковороду.

К слову сказать, Зубовалов все же женился, положив начало бесконечным распрям и холодной войне, изредка переходящей в открытое противостояние с приглашением участкового и формулировкой длинных и нескладных заявлений с обеих сторон.

В квартире этажом ниже жизнь была абсолютно иной. С рождения Маша получила все, а у Риты был даже не ноль, а дырка от него. Маше покупали фирменную одежду, а Рите мама перешивала из старья, Машины дни рождения отмечались так, что в курсе был весь двор, а Рита никого никогда не приглашала, стыдясь убогой обстановки и страшась соседских козней. Да и денег на продукты было всегда в обрез, и в конце месяца они с мамой часто переходили на

пустые макароны. Эти серые толстые макароны иногда снились ей в кошмарах, они склизкими змеями подползали все ближе, а Рита никак не могла убежать.

Маша, независимая и веселая, поскольку ее, в отличие от Риты, не унижали заплатки на локтях и отсутствие капроновых колготок, казалось, не нуждалась ни в чьем обществе, люди сами тянулись к ней. Каждому хочется погреться в лучах солнца, а не ежиться в тени. Рита не была исключением. Спасало только то, что они с Машей учились в параллельных классах, иначе она просто возненавидела бы свою соседку за удачливость, круглосуточно наблюдая ее триумф. А так они лишь вместе ходили в школу и иногда возвращались обратно, да изредка гуляли во дворе.

Маша стала для соседки стимулом, ориентиром и недостижимой целью. Рита, безумно стеснявшаяся своей худобы, убогой одежды и невзрачной внешности, решила действовать иначе и выделиться демонстративной независимостью и бунтарским поведением. Получалось плохо. Мать начали часто вызывать в школу, фамилию «Гусева» воодушевленно и гневно склоняли на каждом собрании, а единственным достижением шестиклассницы Риты Гусевой стало некое подобие дружбы с хулиганом Мутятиным из восьмого «Б». От него Рита научилась красиво и далеко сплевывать и материться.

Наверное, в какой-то момент судьба устыдилась своего равнодушия и на мгновение повернулась к девочке лицом. В школе организовали художественную выставку, и вдруг оказалось, что у Риты талант. Ее заметили, пригласили в художественную студию, а потом и вовсе – в художественную школу. Времени на глупости не осталось, Мутятин стал пройденным этапом, а Рита неожиданно превратилась в эдакого гения, местную гордость и знаменитость. Директриса, раньше специально посещавшая собрания, чтобы потоптаться на самолюбии Елизаветы Потаповны, расписав тюремные перспективы ее дражайшей доченьки, теперь ласково улыбалась и настойчиво напоминала, что именно в стенах ее школы был выпестован и открыт столь ценный самородок. Елизавета Потаповна гордилась и великодушно прощала прежние оскорбления. Дочь все же выросла человеком.

Теперь дружить с ней было почетно, и Рита, равнодушно принимая знаки внимания от сверстников, одновременно презирала их за двуличность и нежелание протянуть ей руку помощи тогда, раньше, когда ей это было необходимо.

Девочка поняла, что любой член общества зависим от мнения окружающих, но если не хочешь быть растоптанным, никогда не показывай эту зависимость. Докажи всем, что их мнение для тебя пыль, что у тебя есть свое видение мира, кардинально отличающееся от общего, выделись, стой на своем любой ценой, независимо от того, что ты думаешь на самом деле, – и тебя заметят, выделят и будут с тобой считаться. Мягких и добрых сминают как пластилин, а о жестких царапают руки в кровь и больше не лезут. С тех пор дух противоречия стал второй сущностью Риты, не дав ей окончательно сломаться. Кроме того, вера в собственный талант и будущие возможности, возвышала ее не только над толпой, но и над удачливой подружкой, не добившейся ничего, но получившей блага «за так». А если и не возвышала, то хотя бы уравнивала.

Маша тоже не была красавицей, так, обычная девочка, да к тому же рыжая. Но даже это оказалось не минусом, а плюсом, так как парни предпочитали ухаживать за конопатой Машкой, а вовсе не за гениальной художницей Гусевой. Дружить – да, общаться – да, но Рите хотелось большего. Именно тогда она раскусила физиологическую сущность мужчин: их не интересует ум и талант. После недолгого анализа Риточка поняла, чем их привлекала Маша. Открытие потрясло ее до глубины души: у соседки всего-то навсего выросла грудь. Да – большая, да – к бюсту прилагались крепкие стройные ноги и красивые тряпки. Но разве это главное в женщине?

– Которые бегают за выменем – сосунки, не нужны тебе такие, – успокоила ее мама. – Тем более что у тебя уже вряд ли что пупное вырастет, ты в бабку по отцовской линии пошла.

Ищи умного, надежного. Кто за одним выменем побежал, и за другим побежит, и за третьим. Так всю жизнь и будет метаться, где сытнее да больше искать. А ты найди такого, чтобы тебя полюбил, чтобы бежать ему было некуда.

От словосочетания «некуда бежать» веяло безысходностью, но мама, безусловно, была умнее и опытнее в этом вопросе.

Все стало предельно ясно и понятно, но как справиться с завистью, Рита не знала. Она усвоила одно: глупо и нерационально стремиться к несбыточному и недостижаемому. Есть такое слово «нет». Надо исходить из жизненных реалий и замещать то, чего «нет», тем, что возможно, вероятно и достижимо при определенных усилиях.

Институтская пора была наполнена разочарованиями, как летний пруд головастиками. Маша всегда топталась рядом, в поле зрения, и смущала обилием кавалеров, особенно на фоне явного простоя Риты. На вечеринках, куда она приглашала Риточку, молодые люди Гусевой пренебрегали, хотя девушка изо всех сил старалась понравиться своей эрудицией и неординарностью.

Однажды, когда Рита, в очередной раз безуспешно пытаясь привлечь к себе внимание и перекрикивая всех, рассказывала о выставке своих работ в училище и голландце, владельце галереи в Амстердаме, желавшем непременно купить несколько картин юного дарования, к ней подседа Алина.

Изрядно выпившая Рита уцепилась за, как ей показалось, благодарную слушательницу, но Аля, несколько минут вежливо послушав дифирамбы в честь гениальной последовательницы Дали, сочувственно ее перебила:

– Хочешь совет? Не хвали себя сама, подожди, пока кто-то похвалит. Иначе это выглядит смешно и нелепо. Человек не может быть объективен в отношении себя. Если ты орешь, что гениальна, то это выглядит как выпендрож. И над тобой посмеиваются, но не верят.

Услышав, что над ней могут еще и «посмеиваться», Рита даже протрезвела. Больше всего на свете она боялась, что над ней именно посмеются. Она так долго добивалась репутации оригинальной и независимой в суждениях, что столь неожиданное мнение, претендующее на объективную оценку ее усилий, просто-таки скосило девушку.

Так состоялось знакомство с Алиной, трансформировавшееся в дружбу на взаимовыгодной основе. Алина теперь периодически нахваливала в компаниях Ритины картины, а Рита – ее стихи.

Результатом стало то, что на одной из вечеринок на Риту обратил внимание молодой человек по имени Юрий. Он восторженно пожирал ее глазами и недоверчиво расспрашивал про картины, робко набиваясь в гости. Вероятно, именно такой мужчина и был предназначен Рите: интеллигентный, умный, тонко чувствующий дистрофик с сильнейшей близорукостью и обширными залысинами над «сократовским» лбом. Да, именно такой, поскольку ни одна нормальная женщина, с грудью, бедрами и прочими сочными атрибутами, на него никогда бы не позарилась. Вполне возможно, что, устав штурмовать лучшую половину человечества, Юра осознал, что надо брать то, что ближе, пока рядом вообще хоть что-то есть. Если нельзя обладать умной и красивой, то пусть она будет просто умной. Тем более, что видит он без очков плохо. Возможно, кавалер рассуждал именно так, а может быть, у него были другие стимулы для общения с Ритой, но все это не имело ни малейшего значения. Дух противоречия подмял под себя доводы логики, победила завышенная самооценка и трезвый взгляд на кавалера утром. Во-первых, из ночной романтики особо ничего не вспоминалось, ибо рыцарь оказался не на высоте, изумив подругу скудной фантазией и скоростью произошедшего, во-вторых, впадая грудь и тощие синеватые конечности кузнечика никак не могли принадлежать мужчине Ритиной мечты, в-третьих, фамилия Юры оказалась Нахухыров.

– Лучше остаться холостой Гусевой, чем стать замужней Нахухыровой, – насмешливо подвела итог своего первого романа Рита.

– Ты погоди, он замуж-то еще не звал, – осадила ее Аля.

– Не успел. И уже не успеет. Я ему, конечно, благодарна за первый сексуальный опыт, за внимание и за все остальное, чего я не заметила, если таковое имело место быть, но за сим откланиваюсь. Я не стремлюсь замуж, мне нужен просто нормальный мужчина, а не это жалкое недоразумение, вызывающее сострадание и сочувствие. Кстати, если тебе его жаль, то можешь забрать и утешить.

Алина утешать Юру Нахухырова не пожелала, так как тоже любила мужчин если не крупных, то хотя бы отчасти мужественных хоть в каких-то местах: будь то плечи, мышцы, разлет бровей или что-нибудь еще.

В результате, Маша продолжала менять кавалеров, не тяготясь отношениями с ними и тоскливо вздыхая, что нет рядом того единственного, Аля маялась в одиночестве, изредка прислоняясь к какому-нибудь мужскому плечу в ожидании все того же единственного, а Рита исходила желчью практически в полной изоляции от противоположного пола и тихо завидовала обеим подругам.

Глава 4

Получение диплома стало для девушек поворотной вехой. Но у разных людей и вехи разные. Единственное, что было общим, это место праздника. Кузнецов-старший недавно, дабы разнообразить бизнес или еще с каким дальним прицелом, прикупил небольшой ресторанчик. Именно там девушки и обмывали «корочки».

– Вот ведь какая штука жизнь, – философствовала Рита, до краев наполненная красным вином и оттого плохо выговаривавшая некоторые звуки. Паузы между словами, призванные сделать выступление солидным и значимым, затягивались настолько, что не менее опьяневшие собеседницы с трудом удерживали в сознании канву повествования. – У всех людей две руки, две ноги, два уха, два глаза...

– Две головы, – заполнила паузу Аля, нарушив серьезность момента.

– Две головы – это только у Риткиных монстров с претензией на гениальность, – фыркнула Маша и тут же тактично поправилась: – В смысле – монстры с претензией, а ты, Ритуська, гений безо всяких оговорок. Я твою последнюю картину до сих пор забыть не могу. До спинного мозга пробирает... Бр-р-р...

– Так вот, – Рита шумно отхлебнула из бокала, словно пила не вино, а горячий чай. – Изначально все данные у каждой особи одинаковые. То есть – равные. Так какого черта каждый развивается по своей спирали, увеличивая разрыв? Причем, прошу отметить, спираль развивается в двух плоскостях: интеллектуальной и материальной. Они обе – две стороны мира-перевертыша. Чем выше развитие поднимается в мире материальном, тем глубже оно проваливается в грязь в мире интеллектуальном. Я о чем?

– О чем? – эхом повторила Аля, мучительно разглядывая лекторшу.

– А о том, – Рита многозначительно проткнула воздух пальцем и обличительно уставилась на подруг, – что если мы изначально считаем интеллект достоинством, то люди достойные в этой жизни всячески притесняются и лишаются положенных благ. А недостойные, то есть – неинтеллектуальные, но материально благодетельствованные, получают все. При том, что у них и так уже все есть. Я считаю, что в обществе должна назреть революция, так как наблюдается катастрофический дисбаланс. Мысль ловите?

У Алины взгляд был абсолютно стеклянным, что выдавало искреннюю попытку постичь гусевские размышлизмы. Маша сосредоточенно смотрела в бокал и улыбалась.

– И чего я смешного сказала? – вскинулась Рита.

– Мне иногда кажется, что ты меня ненавидишь, – спокойно констатировала Маша, не поднимая глаз. – Я не виновата, что у меня такие родители. Что у меня все есть. Что даже мужчину я себе нашла раньше вас. Так получилось.

– А что, если бы была возможность, ты бы все переиграла и предпочла бы родиться мною? – Рита раздула ноздри, вцепившись в скатерть.

– Нет, – пожалала плечами Маша. – Я бы с удовольствием все повторила. То, что ты считаешь несправедливостью, лично меня вполне устраивает. Каждому дается то, что положено. Может быть, в прошлой жизни я была бурлаком или святой мученицей? А эта жизнь – всего лишь компенсация? Не нам судить, кто чего заслуживает. К тому же еще неизвестно, что нас ждет дальше. Может быть, эта жизнь – тоже перевертыш. Если чего-то хочешь, надо добиваться, а не исходить желчью, что у кого-то это уже есть.

– Здоровый всегда с легкостью дает советы больному, – поджала губы Рита. – Но стоит ему заболеть, как он теряется и сам бежит за советом.

Алина чуть не упала со стула, в пинке пытаясь ногой дотянуться до Гусевой и прервать ее выступление. Она искренне полагала, что пить вино за Машин счет, одновременно пытаясь унижить спонсора застолья, по меньшей мере нелогично. Если уж Рита пришла к столь нели-

неприятным выводам, то либо надо общаться, держа их при себе, либо можно озвучить, но тогда уж не общаться, оставаясь последовательной.

– Ты, Ритка, не больная, ты просто злая очень, – Маша покрутила бокал и подняла глаза. – Я устала все время чувствовать себя виноватой за то, что тебе судьба чего-то недодала.

– А ты чувствуешь себя виноватой? – неожиданно изумилась Рита.

– Что тебя удивляет? Ты регулярно пытаешься донести это до меня. Я, несмотря на мою интеллектуальную спираль, которая, следуя твоей логике, ушла на глубину, схватываю все на лету. Ты достойная, я – недостойная, просто наверху все перепутали. Но разве я могу что-нибудь изменить? Рита, я тебя уважаю, я пытаюсь тебя понять. Но и ты пойми: меня не за что ненавидеть. Я ничего плохого тебе не сделала.

Рита смотрела мимо нее и думала только о том, чтобы не заплакать. Нет, не от избытка чувств. Машины слова ее вовсе не растрогали. От бессилия. От злости. Ей нельзя плакать, она сильная. А слезы унижают.

Самое обидное, что Маша могла бы ей помочь. Просто, как любое инфантильное и избалованное создание, не грузилась чужими проблемами. Ведь если задуматься, она могла бы попросить отца, чтобы тот вложил в Ритину раскрутку, проплатил пару презентаций, замолвил словечко в своем олигархическом высшем обществе, организовал аукцион, выставку... Да, в конце концов, купил бы хоть несколько ее картин за нормальные деньги, чтобы у Риты появился минимальный капитал для старта. Но разве можно сказать об этом Маше? Ни-за-что. Унижаться? Пресмыкаться? Смотреть снизу вверх в ожидании подачи с барского плеча? Ни-ког-да. Если бы Маня своим засахаренным умишком додумалась до этих элементарных вещей, то Рита смогла бы изобразить неловкость, смущение, но принять помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.